

Литература

1. Большаков А.Г. Формирование институциональных механизмов миротворчества на сопредельных с Россией территориях (на примере ОДКБ) [Текст] / А.Г. Большаков, Зазнаев О.И. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3(9). – С. 26-29;
2. Миронов С.М. Правда на нашей стороне / С.М. Миронов [отв. ред. В.Н. Шевченко]. – М.: Ключ – С, 2009. – 448 с;
3. Михайлов В.А. Обеспечение национальной безопасности. Абхазия. Южная Осетия. Российские перспективы на Кавказе [Текст] / В.А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2009. – № 2. – С. 7-14;
4. Тужба Э.Н. Постсоветская динамика российско-абхазских отношений [Текст] / Э.Н. Тужба // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – №3(47). – С. 261-272.

References

1. Bolshakov A.G. Formirovanie institucionalnyh mehanizmov mirotvorchestva na sopredelnyh s Rossiei teeritoriyah (na primere ODKB) / A.G. Bolshakov, Zaznaev O.I. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2011. – № 3(9). – p. 26-29;
2. Mironov S.M. Pravda na nashej storone / S.M. Mironov [otv. red. V.N. Shevchenko]. – M.: Kljuch – S, 2009. – 448;
3. Mihajlov V.A. Obespechenie nacionalnoj bezopasnosti. Abhazija, Juzhnaja Osetija. Rossijskie perspektivy na Kavkaze [Text] / V.A. Mihailov // Publichnoe i chastnoe pravo. – 2009. – № 2. – p. 7-14;
4. Tuzhba E.N. Postsovetskaja dinamika rossijsko-abhazskih odnoszenij [Text] / E.N. Tuzhba // Sovremennyje issledovanija socialnyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). – 2015. – №3 (47). p. 261-272.

УДК 2-135.2 (497.2)

doi: 10.18101/978-5-9793-0814-2-44-47

Тэнгрианско-митраистская символика Мадарского Всадника в Болгарии в контексте евразийских связей

© **Абаев Николай Вячеславович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ
E-mail: kol-bugra@yandex.ru

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии митраизма на символику Мадарского Всадника в Болгарии и о его роли в формировании тэнгрианства в национальной дохристианской религии протоболгар, а также в тибетской религии Бон и тэнгрианской религии протомонгольских и пратюркских народов, создавших кочевническую цивилизацию Евразии. Автор пытается показать важную роль митраизма в формировании национальной тэнгрианской религии тюрко-монгольских народов, а также ее связь с героическим эпосом народов Центральной Азии.

Автор считает, что именно протоболгары, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии (в частности в Европе) сумели переработать религию древних ираноязычных ариев, существовавшую до зороастризма, т. е. «традиционный маздаизм» – от имени верховного божества Ахура-Мазды, в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культурами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма-тангризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Ключевые слова: митраизм, Мадарский Всадник, тэнгрианство, кочевническая цивилизация Евразии, героический эпос Гэсэр, гэсэриада, Ахура-Мазда, воинские культы, тюрко-монгольская форма тэнгризма-тангризма, арийско-туранская цивилизация.

Tengrian and Mithraistic symbols of the Madara Horseman in Bulgaria in the context of Euroasian relations

Nikolai V. Abaev

DSc in History, Professor, Ulan-Ude, Buryat State University, Inner Asia Institute, Laboratory of Civilizational Geopolitics

The article discusses the impact of Mithraism upon the symbolism of the Madara Horseman in Bulgaria and its role in shaping of Tengrism (in Bulgarian “Tangaraism”) in the national pre-Christian religion of the Proto-Bulgarians, as well as in the Tibetan Bon religion and Tengrian religion of proto-mongol and proto-turkic peoples who created nomadic civilizations of Eurasia. The author try to show the important role of Mithraism in the formation of Tengrian national religion of Turko-Mongolian people’s, as well as its relationship with the heroic epics of the peoples of Central Asia.

The author believe that this Bulgarians, who played an important role in the spread of Mithraism in the western part of Eurasia,

particularly in Europe, have managed to rework the religion of ancient Iran-speaking peoples that existed before Zoroaster's religion of "traditional Mazdaism" (the name of the supreme deity – Ahura Mazda) in accordance with the religious and ethnocultural traditions of the Eurasian nomadic peoples, transforming it to most unique form – Mithraism to such an extent that it practically became an independent religion, closely connected with the ancient warriors cults of military Gods of Turko-Mongolian pastoral peoples and of the Turko-Mongolian form's Tengrism-Tangaraism religion as a religious foundation of Aryan-Turanian civilization.

Keywords: Mithraism, the Madara Horseman, Tengrian national religion, nomadic civilizations of Eurasia, the epic of the Gesar, Geseriada, Ahura Mazda, warriors cults, the Turko-Mongolian and Bulgarian religion of Tengrism-Tangaraism, Aryan-Turanian civilization.

На территории Болгарии возле города Шумен расположен высеченный высоко в скале барельеф, известный как Мадарский Всадник. Под сенью распростертых крыльев птицы в сопровождении собаки шествуют конь под Владетелем, по одной из версий на нем изображен хан Тервел, по другой фракийский бог. По нашей же версии болгарский богатырь символически изображает обобщенный образ центрально-азиатского эпического героя-батора, воплощающего в себе черты Солнечного Небесного воинского божества Митры, недаром в тюркских языках батор-багатур передается словом «маадар». Официально памятник датируют 6-7 веком н.э.

В этом смысле Болгария и символика ее «Мадарского Всадника» имеют огромное значение для выявления внутреннего духовно-культурного единства и целостности тэнгрианской цивилизации, обусловившей и внутреннее единство всей Евразийской Мегацивилизации, во многом спаянной общностью тэнгрианских ценностей.

В основе этой символики лежит общеевразийский феномен *Тэнгри–Тангара*, тесно связанный с «кочевнической», т. е. пастушеской цивилизацией. Тюрко-монгольское название этого феномена «Вечное Синее Небо» *Тэнгри* (бур.-монг. Тэнгери; тув. Дээр, Кудай-Дээр; другие тюркские варианты имени – Хан-Тигир, Хан-Тенгир, Тегир, Хан-Тигр и др.), и его болгарский аналог *Тангара*, которые одинаково емко и полно воплощают в себе все безграничное поле понятий – универсальный космический Закон (или Путь) функционирования, развития и синергетического взаимодействия трех основных вселенских сил или сущностей – «Небо» – «Земля» – «Человек». Наиболее простым вариантом перевода теонима *Тэнгри–Тангара* является «Бог Небесный», «Отец Небесный», «Небо-Отец».

Древние болгары, как легитимные во всех отношениях наследники этой арийско-туранской цивилизации, смогли сохранить и донести до Европы многие достижения шумерской, бактрийской, согдианской, среднеазиатской эллинистической и скифо-сибирской, арийской цивилизации, как например, календарь, астрономию, астрологию, руническую письменность, традиции кочевнической политической культуры и государственности, но самое главное – митраизм [1], первоначально возникший в архаической индо-иранской традиции и соединившийся с древнешумерским тэнгрианством, одним из верховных божеств которого был, как показал болгарский автор А. Илиев, Дингир-Тэнгир [4].

Именно протоболгары, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии, в частности в Европе, сумели переработать религию древних ираноязычных ариев, существовавшую до зороастризма (ее называют еще «традиционным маздаизмом» – от имени верховного божества Ахура-Мазды) в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культурами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма-тангризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Эта специфическая кочевническая форма митраизма является, на наш взгляд, не только западной ветвью тэнгрианства и зороастризма, как самой влиятельной и известной ветви религии западных, переднеазиатских, «ирано-персидских» ариев, оказавшей огромное влияние на христианство, но и важной составной частью тюрко-монгольского и евразийского тэнгрианства, имеющего общие корни с древнейшей религией сибирских, саяно-алтайских скифо-ариев и теле-уйгуров (известное во многих источниках «племя богатырей», от «багатур»//бога-тур//богатырь, т. е. «Небесный Бык»), протохакасских азов и чиков (саков) – первоначального хорско-гурского субстрата, создавшего арийско-туранскую цивилизацию, как этнокультурное ядро всей центральной евразийской мегацивилизации.

Еще 10 тыс. лет назад племя *богатырей* двинулось со своей исторической родины в бассейне р. Тарим на север, на Алтай и далее – по Саяно-Алтайскому нагорью продвинулось до Байкала, в результате чего и сложилась туранская, тюрко-монгольская общность Внутренней Азии. В этногенетическом и этнокультурном отношении эта Прародина северных саяно-алтайских тюрко-монголов была тесно связана с Тибетом и древней Бактрией, название которой в свете вышеизложенного мы можем этимологизировать как «Багатурия», т. е. «Страна богатырей». Один из этих богатырей и изображен на Мадарском памятнике, который представляет собой центрально-азиатского *батора* (тув. *маадыр*)

в образе солнечного божества, о чем свидетельствует нимб (аура) вокруг его головы, ныне разрушенный.

Именно древняя Бактрия, которая находилась на территории к югу от Памира и к северу от Индии, к западу от Тибета и к востоку от Ирана и Месопотамии, где возникла шумерская цивилизация, сыграла исключительно важную роль как ключевого аккумулирующего, трансляционного и передаточного центра между разными этническими культурами Передней, Средней, Южной и Внутренней Азии. В свое время Б.И. Кузнецов и Л.Н. Гумилев уже высказывали предположение, что добуддийская национальная религия тибетцев *Бон*, в сущности, представляющая собой этнокультурный вариант митраизма, получила распространение также и у арийско-туранских предков древних монголов и бурят, в результате чего традиции митраизма стали распространяться в Центральной и Восточной Азии [6, с. 72–90].

Так, на расшифрованной авторами древней тибетской географической карте была обнаружена «страна Олмо», что является ничем иным, как Эламом, под которым имелся в виду Иран времен Ахеменидов; на этой карте был также обнаружен город Пасаргады, в котором родился Шенраб, основоположник тибетской религии Бон, который согласно боннской традиции пришел с Запада, где и находился этот город. Удалось также установить, что начало возникновения бонского учения относится ко времени завоевания персами Мидии и Вавилона (эти эпизоды есть в тибетских источниках), т. е. ко времени Кира II. Согласно тибетским источникам, которые корректируются древними иранскими, бонское учение в Иране было почти полностью уничтожено Ксерксом (V в. до н.э.), которого тибетцы называют Кхриши, а также Шрихарша (др.-перс. Хшаярша). Удалось также разобрать одно темное место из биографии Шенраба, в которой говорится о том, что это сочинение было первоначально составлено в Эламе, где оно и было записано финикийскими буквами [6, с. 72–90].

Таким образом, культ Митры, существовавший в древней религиозно-мифологической традиции индо-иранцев до их разделения, в результате взаимодействия с кочевническими этносами центральной части Евразии и с тибетцами, трансформировался в особое религиозное направление, которое оказало огромное влияние на национальную религию прототюркских народов и прамонголов, фактически став народной этноконфессиональной традицией гуннов-хунну, древних тюрков, бурят-монголов, уйгуров и др. При этом огромную посредническую роль в этом процессе сыграл героический эпос кочевнических народов Центральной Азии, в частности эпос Гэсэр, который получил распространение как у древних тибетцев, так и у предков бурят-монголов и тувинцев. В результате этого Гэсэриада стала подлинным первоисточником тэнгрианско-митраистского мировоззрения и подобно Библии или Корану сыграла роль Священного Канона, в котором в особой мифопоэтической форме отразились религиозные, философские, этические, космологические и психологические принципы древнейшей религии ариев, тюрко-монгольского тэнгрианства, тибетского Бон и древнеболгарской религии Тангара.

В результате наших исследований и анализа символики Мадарского всадника были также обнаружены и выявлены очень тесные этнокультурные связи бурят-монгольского племени булагатов с протоболгарами, а у древних хакасских азов – с болгарской династией Асены и с именем хана Аспаруха. В 681 г. византийский император Константин IV, разгромленный войсками хана Аспаруха (680-700) недалеко от устья Дуная, подписал договор, по которому был вынужден платить годовой налог болгарскому хану. Этот факт является официальным признанием существования нового болгарского государства называемого «Первым болгарским царством» [5, с. 145].

Ввиду этого мы считаем, что изображение льва, поверженного Мадарским Всадником на барельефе (под ногами его коня), символизирует титул византийского императора, т. е. базилиуса, который получил болгарский хан. А его поражение символизирует летящее на уровне головы всадника гибридное существо с крыльями в виде мифической собако-птицы «Симаргл» («Симург»), сочетающей в себе черты птицы и собаки или птицы и льва, которая изображена правее головы всадника [5, с. 139-143].

Таким образом, Мадарский всадник свидетельствует о сложных, многообразных и длительных связях между протоболгарами и другими народами Евразии – фракийцами, славянами, тибетцами, шумерами, ираноязычными ариями, сибирскими скифо-ариями и азами, предками современных хакасов, бурят-монголами и др. Например, еще во фракийский период на территории современной Болгарии существовали артефакты – глиняные сосуды, на которых изображены такие символы древнеарийской и тэнгрианской религии, как свастика и тэнгрианский крест.

Ярким свидетельством того, что эта древняя религия не только сохраняется, но и развивается после длительного времени забвения, является существование в современной Болгарии эзотерической традиции *колобров*, тэнгрианских жрецов-солнцепоклонников [8].

Само название этой страны – Болгария особенно близко сердцу представителям бурят-монгольского племени булагатов, которые имеют непосредственные этнокультурные связи как с

древними гуннами-хунну, так и с болгарской династией Асеной (Ашина). Название Болгария, как мы думаем, непосредственно связано с общеевразийским корнесловом «bull» – «бык», которое присутствует и в этнониме булагат. Поэтому необходимо и дальше развивать научные исследования в этом направлении, связанном с изучением древнейших контактов и связей протоболгар с народами Внутренней Азии.

Литература

1. Абаев Н.В. Культ священных гор и тэнгрианский эпос бурят-монголов. Изд. 2-е, испр. и доп. – Иркутск, 2015.
2. Abaeva L. Religious identity of indigenous peoples in Central Asia and Siberia in the modern time. – Karadeniz. Black Sea. – Vol. 19, 2013.
3. Илиев А.Л. Тангра и болгары // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. – Улан-Батор, 2013.
4. Илиев А. Эпос Гильгамеша как источник мифологического и исторического доказательства существования шумерского бога Нин-Дингир, прадеда Тэнгрианства- Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.
5. Коваль А.С. Симаргл или Василевс (Посланник между небом и землей). – Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.
6. Кузнецов Б. И., Гумилев Л. Н. Бон (древняя тибетская религия). // Доклады Геогр. об-ва СССР. – Вып. 15.- Л., 1971.
7. Нейкова Р. «Не унижайте наших богов...» // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. – Улан-Батор, 2013.
8. Spas Mavrov. Kholobar. The secrets of Tangraism. Varna: Dangrafik, 2007.

References

1. Abaev N.V. Kul't svyashchennyh gor i tehngrianskiy ehpos buryat-mongolov. Izd. 2-e, ispr. i dop. – Irkutsk, 2015.
2. Abaeva L. Religious identity of indigenous peoples in Central Asia and Siberia in the modern time. – . Black Sea. – Vol. 19, 2013.
3. Iliiev A.L. Tangra i bolgary // Tengrianstvo i ehpicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'. Materialy 4-oy Mezhd. nauch.-praktich. konf., 09-10 oktyabrya 2013 g. – , 2013.
4. Iliiev A. EHpos Gil'gamesha kak istochnik mifologicheskogo i istoricheskogo dokazatel'stva sushchestvovaniya shumerskogo boga Nin-Dingir, pradeda Tehngrianstva- Materialy 5-oy Mezhd. nauch.-praktich. konf., 20-25 sentyabrya 2015 g. (Bolgariya). – Sofiya: B"DNIK, 2015.
5. Koval' A.S. Simargl ili Vasilevs (Poslannik mezhd u nehom i zemlej). – Materialy 5-oy Mezhd. nauch.-praktich. konf., 20-25 sentyabrya 2015 g. Varna (Bolgariya). – Sofiya: B"DNIK, 2015.
6. Kuznecov B. I., . Bon (drevnyaya tibetskaya religiya). //Doklady Geogr. ob-va SSSR. – Vyp. 15.- L., 1971.
7. Nejkova R. «Ne unizhajte nashih bogov...» // Tengrianstvo i ehpicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'. Materialy 4-oy Mezhd. nauch.-praktich. konf., 09-10 oktyabrya 2013 g. – , 2013.
8. Spas Mavrov. Kholobar. The secrets of Tangraism. Varna: Dangrafik, 2007.

УДК 316.347

doi: 10.18101/978–5–9793–0814–2–47–50

Формирование нового этнолингвистического пространства стран Центральной Азии

© Молодов Олег Борисович

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук, г. Вологда

E-mail: o_young8172@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции формирования этнолингвистического пространства постсоветских государств Центральной Азии в конце XX–начале XXI вв. Страны данного региона в различной степени вовлечены в интеграционные процессы с Россией, что во многом связано с сокращением доли русского населения и изменением внешнеполитических приоритетов Туркменистана и Узбекистана. Становление национальных государств привело к необходимости формирования новой идентичности, опирающейся на ценности и традиции титульных наций, в том числе язык и религию. Несмотря на сокращение русскоязычного лингвистического пространства в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане сохраняется важная роль русского языка в официальных коммуникациях и в сфере образования. Статья подготовлена на материалах официальной статистики и опубликованных исследований, посвященных этническим и языковым процессам в регионе.

Ключевые слова: нация, русский язык, население, языковая политика, интеграция, Центральная Азия.